

Конфуцианские традиции и современный Дальний Восток

Говоря о классической китайской цивилизации, столь заметно влияющей на все дальневосточные общества и сегодня, необходимо заметить, что именно гуманизм лежал в ее основе, хотя, конечно, это была несколько иная форма гуманизма в сравнении с той, с которой мы сталкиваемся в Европе начиная с эпохи Возрождения. Европейский гуманизм был наследием великой античности, фундамент его составляла свобода личности, идеология восходила к Сократу, а наивысшие достижения его блестяще воспеты в работах Л. Баткина¹, что избавляет меня от необходимости касаться этой проблемы в деталях.

Древнекитайский гуманизм был иным. Он служил средством для создания гармоничного общества и патерналистского упорядоченного государства. В этом смысле он ориентирован не столько на личность — хотя и ей придавалось огромное значение в плане прежде всего этического самоусовершенствования (вспомним об идеале цзюнь-цзы), — сколько на социум. Древнекитайская мысль, безусловно, авторитарна: она всецело опиралась на искусственно возвышенный в дидактических целях авторитет великих мудрецов древности, начиная с Яо, Шуня и Юя. Это авторитет высшего идеала, авторитет незыблемой догмы, что, к слову, вполне соответствовало ментальности древних китайцев, не имевших развитой религиозной системы и восполнявших этот существенный пробел грандиозными этическими конструкциями.

Конструкции, о которых идет речь, связаны прежде всего с именем величайшего из мудрецов и величайшего из китайцев, своего рода отца нации и высшего, наиболее почитаемого ее вечного учителя Конфуция. Конфуций (Кун-цзы, 551—479 год до н. э.) был наименее религиозен из всех знаменитых пророков от Заратустры до Мухаммеда. Он не принимал религиозной проповеди как таковой, скептически относился ко всем богам, выделяя из них только великое Небо, которое воспринимал как всеуправляющий Космос. Он не интересовался проблемами мистики и натурфилософии, жизни и смерти. Зато он был великим моралистом, причем мораль его не была сродни этическим призывам проповедников той или иной религии, она являлась самоценной и действенной сама по себе, что, следует заметить, было традицией в чжоуском Китае по меньшей мере с конца XI века до н. э.

В это время великий предшественник Конфуция Чжоу-гун сформулировал свою блестящую и обеспечившую чжоусцам на долгие века господства идею о Мандате Неба, который Оно дает тем, у кого много добродетели-благодати дэ, и

¹ См. Б а т к и н Л. М. *Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления*. М., 1978; его же. *Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности*. М., 1989; его же. *Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления*. М., 1990.

отбирает у тех, кто потерял свое дэ, вновь вручая право на власть в Поднебесной опять-таки тому, у кого больше всего этого самого дэ. Иными словами, еще за полтысячелетия до Конфуция для древнекитайской мысли было очевидно, что миром движет высшая воля Неба, проявляющая себя в том, чтобы дать власть людям достойным, мудрым и добродетельным. Принцип этического детерминанта лежал в основе идеи о Мандате Неба, а на долю Конфуция пришлось разработать и детализировать нормы этики и вплотную связать эти нормы с человеком, с самоусовершенствованием людей, что и придало учению Конфуция, всему китайскому конфуцианству ярко выраженную гуманистическую окраску.

Конфуций любил говорить о своем почтении к древности и к традициям старины, об уважении к Чжоу-гуну и иным древним мудрецам. Он вообще считал, что не создает, а передает мудрость древних, причем в этом была не столько поза кокетничавшего проповедника, сколько стремление подчеркнуть преемственность культурной традиции. На деле же Конфуций именно создавал. Он создал доктрину, ориентированную на воспитание новых поколений в духе не только и не столько почтения к предкам (хотя это безусловное и первостепенной важности дело, воплотившееся в китайской традиции очень развитым культом предков и сыновней почитательности сяо, требовавшей от младших всего во имя блага старшего поколения), сколько хранения и воспроизводства той традиции и тех генеральных принципов жизни, которые были им детализованы. Я имею в виду культивирование обостренного чувства долга, стремления жить по справедливости и добродетельно, постоянно самоусовершенствоваться, тщательно соблюдать принятые нормы и особенно ритуальный церемониал, дисциплинирующий человека, гарантирующий общество от потрясений, создающий в мире духовный комфорт и консервативную стабильность.

Опираясь на золотое правило общечеловеческой этики — не делай другому того, чего не хочешь себе,— Конфуций стремился воспитать своих учеников и через них все последующие поколения китайцев в духе высокой порядочности, для чего им, собственно, и был создан искусственный умозрительный идеал благородного человека (цзюнь-цзы), своего рода рыцаря без страха и упрека. И на этот эталон высокоморального и высокодобродетельного человека, думающего не о низменной выгоде, но о высшем долге, отдающего всего себя воспитанию в людях гуманности и справедливости, являющего безукоризненный пример постоянного самоусовершенствования, познания и размышления над заново познанным, умения действовать в любой обстановке так, чтобы не уронить своего достоинства, не предать идеалы и соответствовать своему высокому предназначению,— вот на этот-то искусственно сконструированный эталон и должны были ориентироваться все остальные. Сам по себе этот метод нельзя считать чем-то особенным. Напротив, это, скорее, норма для всех религиозных доктрин. Специфика конфуцианской идеи в том, что объектом для почитания и ориентации выступают не ушедшие от мира Будда и Христос, не святые монахи и экстравагантные суфии, не боги или легендарные герои, но самые обычные люди, живущие в гуще жизни и отличные от других лишь высокоморальной нормой, жестким стандартом повседневного поведения.

И еще весьма важная особенность. Идеальный эталон человека создан не во имя человека как такового, ибо не человек был центром конфуцианского мировоззрения. Центр — гармоничное общество, высокоупорядоченное и хорошо организованное государство, управляемое достойным правителем и мудрыми, справедливыми, гуманными чиновниками. Создать такое общество и такое государство было высшей целью Конфуция, а хорошо воспитанный человек был средством достижения этой высшей цели.

Не сразу, но с течением веков доктрина Конфуция, одолев многочисленных соперников и искусно вобрав в себя все то полезное, что можно было заимствовать, не изменяя собственным принципам, стала официальной государственной идеологией конфуцианской империи. В империи уже не делалось нарочитого акцента на гуманизм. Скорее, напротив, это была сильно централизованная бю-

рократическая система, в которой находившийся внизу человек был лишь объектом администрации.

Однако идеи Конфуция, несколько трансформировавшись, продолжали оказывать влияние на общественную жизнь. Более того, превратились в достаточно жесткую догму, которую все должны были почитать, а наиболее умные и достойные — тщательно изучать и постоянно реализовывать в жизни. Это не значит, что жители империи превратились в автоматы. Жизнь есть жизнь, и не всегда и не все в ней укладывается в жесткие нормы догмы. Тем не менее генеральные мотивы поведения были определены конфуцианской доктриной, впитывавшейся каждым в империи, что называется, с молоком матери. И это давало свои результаты.

Конфуцианский гуманизм, как уже говорилось, не имеет ничего общего ни со свободой поведения или выбора, ни с демократическими нормами волеизъявления низов. Напротив, он был вписан в строго патернализованную бюрократическую имперскую конструкцию, в рамках которой старшие выступали в функции руководителей и почитаемых, а младшие (не столько по возрасту, хотя и это имело очень важное значение, сколько по социальному положению) — в функции ведомых и управляемых. Каждый должен был жить так, как учил Конфуций, постоянно совершенствоваться, дабы уподобиться эталону, причем эта жесткая конфуцианская норма стала обязательной для всех членов общества. Этому не препятствовали позже и религиозные предпочтения (как известно, с начала нашей эры в Китае появились и действовали религии в собственном смысле этого слова — даосизм, буддизм). То есть и исповедовавшие даосизм, и ревностные буддисты в Китае (да и в Корее, Вьетнаме, а частично и в Японии) были одновременно (я даже сказал бы — прежде всего) конфуцианцами. Конфуцианцами не по вере, но по воспитанию и манере поведения, по парадигме мышления и речи, образа повседневной жизни и стереотипам жизненного обихода.

Иными словами, конфуцианство с его установками на примат гуманистической морали во имя Гармонии и Порядка стало в большинстве стран Дальнего Востока, особенно в Китае, принципом жизни. И когда в прошлом веке Китай в ходе опиумных войн был открыт для мирового рынка и превратился в объект колониальной капиталистической экспансии, это обстоятельство сразу же выявилось. Как и другие страны Дальнего Востока и всего колониального мира, Китай приспособился и сопротивлялся. Но это сопротивление и приспособление к изменившимся обстоятельствам было окрашено в конфуцианские цвета, что не замедлило сказаться на результатах. Впервые удивила мир Япония, хотя и не всем до сих пор достаточно ясно, что феномен Японии связан не столько с уникальностью этого островного государства — что тоже сыграло свою роль, — сколько с тем, что по генотипу культуры Япония являет собой ответвление все той же конфуцианской цивилизации. Это стало более ясным уже в наши дни, после второй мировой войны, когда японская модель начала с успехом реализовываться в Южной Корее, на Тайване, в Сингапуре, Гонконге и в ряде стран, где велика колония так называемых «хуацяо» — китайских эмигрантов, — обычно занимающих ведущие позиции в экономике стран проживания (в частности, большинства стран Индокитая и островных государств Юго-Восточной Азии).

Характерно в этом плане развитие событий в континентальном Китае, ставшем жертвой гигантского марксистского эксперимента (Северную Корею я оставляю в стороне, хотя по меньшей мере частично это относится и к ней). Здесь по-своему сказались влияние конфуцианской традиции, проявившей, однако, иные свои особенности. Привычка к строгой дисциплине и беспрекословному повиновению старшим, стремление соответствовать умозрительному идеалу, право народа подняться против недобродетельного правителя во имя того, кто обладал дэ (в наши дни дэ более всего соответствует понятию «харизма», которой, бесспорно, обладал Мао), равно как и отказ от низменной выгоды (капиталистического рынка, частной собственности) во имя высших идеалов светлого будущего, наконец, столь знакомая каждому строгая бюрократическо-идеологическая структура (сверху император или председатель, его помощники — идейно образо-

ванные конфуцианцы или марксисты, а снизу индоктринированная масса) — все это сыграло свою роль в том, что Китай с легкостью принял марксизм. Но после нескольких десятилетий бесплодных и заведших страну в тупик экспериментов дала себя знать природная и веками воспитанная практичность китайцев, привыкших не уповать на божий промысел, но разумно рассуждать и соответственно поступать. Без лишнего шума и очень умело, опираясь опять-таки на великую традицию с ее установкой на постоянное самоусовершенствование, на поиски лучшего Порядка и высшей Гармонии, на усердие и трудолюбие, справедливость (каждому по его труду) и соревнование в достижении успеха, гигантский Китай стал выбираться — после смерти Мао — из марксистско-маоистского тупика.

Двигаясь по рыночному пути, уже апробированному с успехом другими странами дальневосточной цивилизации с ее конфуцианским фундаментом, континентальный Китай, как и его соседи, задействовал те стороны великой гуманистической традиции, которые формируют установку на самого человека, выполняя роль, отчасти сходную с ролью протестантизма в истории капиталистической Европы. Пуританский образ жизни, аскетизм в быту и колоссальное трудолюбие, умение ограничиваться малым при постоянном и нарастающем стремлении к большему, к максимуму (а это и есть проявление самоусовершенствования и соревновательности, заложенных конфуцианской экзаменационной системой), привычка вести дела честно и добросовестно, быть надежным партнером, внутренне всегда ориентируясь на воспетые конфуцианством и вошедшие в плоть и кровь китайцев справедливость и добродетель, высокий моральный стандарт,— все это быстро проявилось в континентальном Китае, как до того в других странах конфуцианской цивилизации — от Японии до Сингапура.

Разумеется, китайский гуманизм по-прежнему далек от европейского. Ставка на человека, его лучшие качества и потенции еще далеко не изменила общий дух и направленность генеральных установок. И это играет сегодня положительную роль в движении Китая по рыночно-капиталистическому пути, ибо помогает двигаться по этому пути с достаточным динамизмом, но вместе с тем под руководством все того же медленно трансформирующегося коммунистического начальства, в рамках все той же постепенно ослабляющей свою железную хватку мощной имперско-бюрократической структуры.

Континентальный Китай сегодня является объектом зависти для многих наших «патриотов», не довольных проведением реформы в России. Их можно понять: шли вроде вместе и почти рядом, причем мы были впереди и учили, они учились у нас, хотя и не всегда, а подчас и вовсе отказываясь от нашей помощи и нашего опыта. А теперь все наоборот: у них дела идут ладно, а у нас наперекосяк. Многие в нашей стране сегодня считают, что коль скоро так, надо было делать, как они, тогда у нас было бы, как у них. На это все время хочется ответить, что сначала надо стать такими, как китайцы, что мы не китайцы, а наши цивилизационные или полувиллизиационные традиции имеют мало общего с китайскими, не говоря уже о том, что в Китае, несмотря на жесткие маоистские эксперименты, сохранилось трудолюбивое, недеклассированное, непропившееся крестьянство, которое мгновенно сориентировалось на рынок и его нормы. Что у китайцев военно-промышленный комплекс, причем достаточно развитый, не идет ни в какое сравнение с нашим, ибо у нас работали на войну не менее 70% промышленности и едва ли не большая часть профессионалов, включая научных работников. И наконец, что у нас нет гуманистической китайской традиции, нет уважения к человеку, его труду, результатам его труда, к его собственности, к его способностям, профессиональной подготовке и возможностям, к его успехам на пути постоянного самоусовершенствования.

И еще одно, на что стоит обратить внимание. Китаец — природный предприниматель, умелый торговец, хорошо вписывающийся в рыночную структуру. Но в истории Китайской империи с ее жесткой бюрократической структурой не было возможности для широкого развития этих качеств и свойств. Торговец и

вообще не имеющий отношения к власти богатый человек в Китае всегда притеснялись властями, им не давали простора. Но едва они вырывались на простор, где не было жесткого бюрократического государства, как эти способности начинали проявляться и реализовываться. Это лучше всего видно на примере уже упоминавшихся хуацяо. В наши дни это хорошо ощущается в России или Казахстане, где активность приезжающих китайских торговцев — впрочем, вьетнамских тоже,— весьма заметна на фоне неумения основной массы нашего населения, которое только учится торговать.

Завершая, я хотел бы оговориться, что не все изложенные в моих заметках сюжеты имеют прямое отношение к гуманистической идее и к традициям гуманизма, пусть даже отличного от европейского, в его китайском классическом понимании. Но я склонен считать, что гуманистический импульс, заложенный Конфуцием, сыграл огромную, быть может, даже решающую роль не только в истории китайской культуры, что несомненно, не только в истории Китая вообще, но и в наши дни. Ныне Китай и вся дальневосточная конфуцианская цивилизация демонстрируют завидные успехи в приспособлении к новым условиям, к капиталистическому рыночному хозяйству, основанному на частной собственности европейского (не китайско-конфуцианского) типа, а также на традиционно китайском конфуцианском отношении к человеку, его обязанностям в жизни, его возможностям, долгу, способностям и моральным качествам.